

УДК 94(470)"18/19"

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ, ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА
В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОСТОМАРОВСКОГО
ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА В ПОДОНЬЕ (СЕРЕДИНА XIX – XX ВВ.)****INTERRELATION OF PEASANT COMMUNITY, CHURCH AND THE STATE WITH
REFERENCE TO CREATION AND FUNCTIONING OF KOSTOMAROVSKY CAVE
COMPLEX IN PODONYE (THE MIDDLE OF XIX – XX CENT.)****В.В. Степкин
V. V. Stepkin**МБОУ Павловская СОШ с УИОП
Россия, 396420, Воронежская область, город Павловск, пр. Революции, 15MBGEI (Municipal Budgetary General Education Institution)
Pavlovsk Secondary School with Enhanced Coverage of Certain Subjects,
15 Prospekt Revoljutsii, Pavlovsk, Voronezh region, 396420, Russia

E-mail: archeolog@mail.ru

Аннотация

В статье подробно рассматривается на основе найденных автором архивных материалов история создания и развития Костомаровского пещерного комплекса в Подгоренском районе Воронежской области. При этом обращается внимание на взаимодействие общины устроителей подземелий с официальными государственными и церковными институтами. Делается вывод о том, что вырубленный крестьянской общиной в меловом склоне пещерный храм стал стержнем развития народной религиозности. Попытки перевести его сельским обществом в официальную плоскость путем освящения встречали сопротивление фактически на всем протяжении XX в. как со стороны Церкви, так и со стороны государства, которые опасались структурирования вокруг него малоуправляемых автономных единиц гражданского общества. Обустроившая пещеры в середине XIX в. крестьянская община слободы Костомарово смогла создать здесь народный монастырь лишь спустя столетие. Но к этому времени в связи с изменением крестьянского уклада в ходе социальных трансформаций советского периода истории как сельская община, так и сельский приход Русской православной церкви перестали играть заметную роль в духовной жизни деревни второй половины XX в. Лишившись социальной базы развития в условиях начавшихся новых гонений на Церковь, народная динамика построения из общины пещероустроителей официального монастыря была прервана. Завершить ее удалось лишь в конце XX в. уже сверху, епархиальным властям, путем учреждения Спасского женского монастыря. Это стало возможным благодаря наличию здесь пещер, воспринимаемых в церковной среде как сакрально значимый локус окружающего пространства.

Abstract

The article presents in detail the history of creation and development of Kostomarovsky cave complex in Podgorensky district of Voronezh region on the basis of archival records found out by the author. The author pays special attention to interrelation of the cave creators community with the state and church authorities. It is concluded that the cave temple, made in the chalk hill by the peasant community, became the center of people's religiosity. The attempts to formalize it by means of dedication service had been encountering opposition within the 20th century from the Church as well as from the government who were in fear of independent civil communities that could gather around the temple and be uncontrolled. The peasant community of settlement Kostomarov which created the caves in the middle of 19th century manages to make here a people's monastery only one century later. However, by that time due to changes in peasants' lifestyle throughout Soviet history, neither a rural community nor a common vestry of the Russian Orthodox Church had played a prominent part in the spiritual life of a village in the late 20th century. Having lost the basis of social support in the context of the new persecution against the Church, the people's attempts to create an official monastery from the cavebuilders community were interrupted. Only at the end of 20th the eparchial authorities established the Svyato-Spassky Convent. It became possible due to the caves that had been seen by the Church as a significant in sacral meaning locus of the surrounding area.

Ключевые слова: крестьянская община, Костомаровские пещеры, народное православие, Русская православная церковь, монастыри, государство и гражданское общество.

Keywords: peasant community, caves in Kostomarov, people's Orthodoxy, the Russian Orthodox Church, monasteries, the state and civil society.

В настоящее время Костомаровский Спасский женский монастырь, расположенный в Подгоренском районе Воронежской области, является паломническим и туристическим центром, известным далеко за пределами донской земли. Этому способствует уникальное сочетание историко-культурного и физического ландшафта обители. Возвышающиеся на меловых склонах останцы-дивы служат входами в пещерные храмы и кельи. До настоящего времени история возникновения этих лабиринтов в середине XIX – начале XX вв. была неизвестна. Обнаруженные автором архивные документы не только проливают свет на создание этих уникальных памятников историко-культурного наследия, но и на взаимодействие общины устроителей подземелий с официальными государственными и церковными институтами. В ходе анализа данного взаимодействия перед нами встал вопрос о его дальнейшей динамике вплоть до начала XXI в., что и является целью нашего исследования.

27 октября 1908 г. в канцелярии обер-прокурора Синода было зарегистрировано прошение уполномоченных Костомаровского сельского общества об освящении церкви в меловой горе. Из этого прошения мы узнаем время создания пещер. «Уже 50 лет тому назад в нашей слободе Костомаровой существует в меловой горе церковь с рукавами пещер»¹.

То есть мы можем говорить о том, что основание существующего ныне Спасского пещерного храма относится к середине XIX века. С этой датой хорошо коррелируются литературные свидетельства таких исследователей донских пещер, как Б.С. Познанский и В.Н. Тевяшов, живущих во время устройства указанных подземелий в Воронежской губернии. Так Б.С. Познанский отмечал в 1885 г.: «Такие же пещеры по Дону, в пределах Воронежской губернии, в местностях, населенных малороссами, кроме Белогорья, находятся и в других местах: в Лысках, в Костомаровой, в Шатрище, около Богучара, – но все они малоизвестны и никем не заняты. Все эти пещеры вырыты в этом уже столетии» [Познанский, 1885, с. 621]. У В.Н. Тевяшова в работе, посвященной пещерным монастырям Острогожского уезда, читаем: «С 1796 года по 1861 год такие пещеры появились во многих местах Острогожского уезда, из которых мы знаем: Белогорье, Калитвы, Коловерть, Костомарово и Колыбелку» [Тевяшов, 1902, с. 73].

Со времени своего возникновения в середине XIX в. Костомаровские пещеры прошли значительный путь трансформации. К 1908 г. они представляли собой храмовое пространство, окруженное пещерными лабиринтами. Приведем здесь впервые цитату из архивного источника, описывающую подземелье в это время: «Пещеры, с давних времен изготовленные 50 лет тому назад и ныне существуют в видном зрелище, в которых обозначенный 1-й входной рукав длиной 14 арш., с этого рукава в правую сторону рукав также длиной 14 арш., с этого рукава, который тянется в правую сторону, еще два рукава проведены дальше входа, оба длины по 46 арш., каждый между которыми помещается обозначение церкви, где основание церкви на семи столбах, каждый столб в окружности толщины по семи аршин, серединою пространства церкви 16 арш., а шириною 12 арш., высота ее 6 арш., кроме алтаря, каждый рукав шириною 2 арш., вышиною 3 арш., основание пещер с пяти рукавов, общая мера пещер на вскрось, с входных дверей и в глубь до конца в размер 80 арш., основание алтаря, длина его 5 арш., ширина его 7 аршин высота его 5 арш. Крепость пещер не разрывного мела из сплошного слоя белого цвета, сделка их, ровнота стен всех рукавов, настоящей аккуратной выделки»².

Сопоставив это первое описание памятника начала XX в. с современными параметрами пещеры Костомаровская-3 [Гуныко, 2013, с. 164–167], а также данными топосъемки, рис. 1, мы видим, что за это время подземелье не претерпело значительных изменений. В 1908 г. рассматриваемая пещера включала в себя входной коридор, пещерный храм и

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 796. Оп. 189. Д. 2847. Л. 2.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 189. Д. 2847. Л. 3.

вырубленные к северо-западу от него пещерные лабиринты. Суммарно длина пещеры так же сопоставима с современными данными, как и базовые размеры храма. Единственное значительное новшество – это появление алтарной части предела святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

Рис. 1. Спасский пещерный комплекс у с. Костомарово в Воронежской области.

Топографическая съемка 2011 г. под руководством А. А. Гулько

Fig. 1. Spasskiy cave monastery site near the village of Kostomarovo, in the Voronezh region.

Surveying headed by A.A. Gunko, 2011

Итак, к 1908 г. пещерный храм был построен жителями села Костомарово и его предстояло освятить, переведя из объекта, созданного в рамках народной православной традиции, в официально функционирующий в структуре Русской православной церкви. Для этого 15 июня 1908 г. Костомаровское сельское общество собралось на Сход по распоряжению старосты Сергея Бакаева. Из общества, «в котором числится 563 ревизских душ и 150 домохозяйств, имеющих право голоса», на сходе присутствовало 126 человек. В результате обсуждения было принято единогласное решение уполномочить своих представителей ходатайствовать перед епархиальным начальством и другими органами власти об освящении пещерной церкви в память о рождении цесаревича Алексея Николаевича с наименованием оной «Алексеевской».

С одной стороны, данное решение демонстрировало верноподданнические настроения общины, что было немаловажным фактором, учитывая подозрения о донских пещерокопателях как о распространителях раскола [Никольский, 1910, с. 162–163]. С другой стороны, расчет был на ускорение процесса освящения подземного храма, ведь в Воронежской губернии власти традиционно препятствовали развитию народного пещерокопания [Тевяшов, 1902; Никольский, 1910; Степкин, 2016]. По этой причине создатели пещер вынуждены были здесь работать зачастую в тайне, в ночное время. Применительно к костомаровским подземельям об этом автору поведала, в частности, местная старожилка Е.С. Воробьева, 1923 г. р. в 2003 г. На вопрос: «Когда и кто строил пещеры?» – она ответила: «Да кто знает. Моя бабка жила 104 года. Так она казала, что им рассказывали, что копали яки-то ночью, в плащах. Колпаки на них...» [Степкин, 2012, с. 88].

Надо заметить, что Костомаровское сельское общество не просто хотело освятить пещерный храм как приходской. Ведь таковой уже был в их слободе, новый, 1806 г. постройки, в честь Святой Троицы [Правдин, 1893, с.105]. Крестьяне хотели здесь видеть в перспективе пещерный монастырь, для чего и просили не просто освятить подземный

храм, но и причислить его к Белогорскому Воскресенского пещерному монастырю, заручившись предварительной поддержкой игумена Поликарпа¹. Помимо всего прочего, упоминание в ходатайстве представителями сельского общества Белогорской обители вольно или невольно должно было напомнить о произошедшей здесь в XIX в. уникальной в Подонье трансформации народной общины пещеростроителей в официальный церковный институт. Причем этому способствовало личное вмешательство в данный процесс императора Александра I. То есть своим прошением Костомаровское сельское общество демонстрировало возможность на практике воплотить в жизнь теорию официальной народности с опорой на уже существующий прецедент.

Костомаровские ходатаи отправили прошения не только на имя Анастасия, архиепископа Воронежского и Задонского, но и, учитывая свой предыдущий опыт общения с епархией, в Синод. При этом для достижения своей цели костомаровские крестьяне готовы были нести и материальные издержки, решив на сходе «отмерить вокруг находящихся пещер пять десятин земли для постройки, какой разрешит начальство»². Синод же по существующей практике, не стал сам разбираться в деле, а отправил запрос архиепископу Анастасию. Воронежский архиерей написал 9 марта 1909 г. на имя этой правительствующей организации рапорт, в котором отмечалось: «Ходатайство об открытии для богослужения костомаровских пещер возбуждалось неоднократно, причем всякий раз, за неимением к тому достаточных оснований, оставалось епархиальным начальством без удовлетворения. Два раза, а именно отношениями от 21 июня 1906 года за № 160 и 7 июня 1907 года за № 228 о том, что епархиальное начальство не усматривает ни оснований, ни побудительных причин к открытию Костомаровских пещер для богослужений, сообщалось Г. Товарищу Обер-Прокурора Святейшаго Синода.

Ныне, опрошенный по содержанию прошения крестьян Рокотянского и Ященкова, местный благочинный, протоиерей Михаил Иванов донес, что никакого иконостаса в Костомаровских пещерах в действительности нет, а есть там около десятка икон – самых разнообразных и разнохарактерных, нанесенных туда разными жертвователями по инициативе некоего Деркачева, изгнанного из Афона монаха. Нет также ризничных и утварных принадлежностей. По мнению окружного духовенства и лучшей части жителей, открытие и освящение сих пещер не желательно, потому что ни сама природа, ни жизнь людей, окружающих эту местность и соприкасающихся с нею, никогда не давали никаких мотивов к прославлению этих пещер. Наконец, при мысли об освящении и прославлении пещер, нельзя не обратить внимания на то, что пещеры эти, как устроенные не очень глубоко от поверхности земли, не долговечны. Стихии природы уже начинают разрушать их, одна стена, подмытая истоками воды, уже завалилась, и костомаровцы, заинтересованные своими пещерами, заложили эту стену тесаными плитами того же мела; по всем пещерам мел дает все новые и новые трещины и делится на меньшие и меньшие пласты»³.

Изложив вышеуказанные мотивы принимаемого решения, архиепископ Анастасий в рапорте делает вывод о том, что «не усматривается побудительных причин к открытию Костомаровских пещер для богослужения». Синод, получив рапорт правящего архиерея 5 мая 1909 г. на своем заседании по сути отзеркалил его решение, повторив в отказе Костомаровскому сельскому обществу ту же мотивировку.

Анализируя рапорт архиепископа Анастасия, обратим внимание на встречающееся в нем упоминание афонского монаха Деркачева. По всей видимости, речь идет о монахе Сергии (Деркачеве), который, будучи выходцем из Воронежской губернии, подвизался на Афоне в конце XIX – начале XX века. Там он проживал в келье Казанской иконы Божией Матери Ставроникитского монастыря, неся послушание портного [Монахологии..., 2016, с. 438]. Если в рапорте речь действительно шла о нем, то это означает, что в дальнейшем он вернулся на родину, способствуя созданию здесь пещерного монастыря. Надо заметить, что в это время подобного рода практика не была исключительной. Так, в конце XIX

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 189. Д. 2847. Л. 2 об.

² Там же. Л. 3 об.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 189. Д. 2847. Л. 6 об.

в. монахи Афонской Горы Диодор (Котляров) и Тихон (Присяжный) попытались возродить в Подонье Шатрищегорский пещерный монастырь, упраздненный секуляризационной реформой 1764 г. [Степкин, 2017]. При этом данная попытка также была неудачна и также была предпринята во время пребывания на Воронежской и Задонской кафедре архиепископа Анастасия (Добрадина) с 1890 по 1913 гг.

Обращаясь к мотивам, выдвинутым архиепископом Анастасием для отказа ходатаям от Костомаровского сельского общества, мы видим, что они сводятся в основном к двум постулатам: ненадежность меловой породы, в которой созданы подземелья, и отсутствие необходимой церковной утвари. Учитывая, что пещеры стоят до сих пор, первый посыл не выдерживает критики. Впрочем, как и второй, учитывая мизерность средств, необходимых для дооборудования церкви. Ведь известно, что на строительство Владимирского собора, заложенного в 1896 г. в честь 900-летия крещения Руси, епархией была изыскана колоссальная сумма – около 200 тысяч рублей [Акинъшин, 2003, с.24].

Причина кроется, на наш взгляд, в ином. Государственный механизм функционирования Российской империи, частью которого была Русская православная церковь, не стремился поддерживать стихийно возникающие и мало контролируемые общественные инициативы. Ведь крестьяне Костомаровского сельского общества не только не брали благословения на сооружения подземелий, но и возводили их, несмотря на препятствия местных властей. У крестьянской общины была идея сооружения пещеры в подражание подвигу древних отцов, и они воплощали ее в жизнь, несмотря ни на какие препятствия. Это роднило пещерокопателей со старообрядцами. Роднило не по форме, а по характеру принятия и отстаивания самостоятельного решения. Изначально этот «процесс индивидуализации веры, начавшийся в ходе русского Раскола, был остановлен, разрушен и подавлен силами государства и Церкви» [Глинчикова, 2008, с. 366]. Не прекращалась эта тенденция и в последующие века, вступая в противоречия с развитием инициатив гражданского общества. Общине пещерокопателей в Подонье, как уже отмечалось, лишь в единичном случае удалось добиться исключения из этого правила, в эпоху либеральных начинаний Александра I при создании Белогорских пещер. Примечательно, что их основательницу Марию Шерстюкову местные власти как раз и подозревали в распространении раскола [Никольский, 1910, с. 162–163].

При анализе взаимоотношения Костомаровского сельского общества и государственных институтов не будем забывать и о политическом фоне происходящих в стране событий. Ходатайствование крестьян об открытии пещерной церкви падает на время реакции после завершения первой русской революции. Напуганная размахом революционных волнений крестьянских общин, власть скорее думает о разрушении общинного строя, чем о взаимодействии с его представителями, что и нашло свое выражение в реформах П.А. Столыпина. В контексте революционных выступлений интересно посмотреть и на дату первого обращения крестьян Костомаровского сельского общества – 1906 г. Это время пика крестьянского движения в Воронежской губернии, где «борьба крестьян проявлялась в многочисленных формах: требования к помещикам увеличить площадь сдаваемой в аренду земли, снизить арендные платежи, снизить цены на продаваемую землю» [Перепелицин, 2013, с.121, 124]. Осуществленное на этом фоне ходатайствование костомаровских крестьян об освящении пещерного храма показывает, что рост гражданской активности был направлен не только на решение материальных, но и духовных потребностей общества.

Как происходила динамика развития общественной жизни, складывающейся вокруг Костомаровской пещеры в ближайшие десятилетия после окончания синодального дела в 1908 г., доподлинно не известно. Архивная история вновь предстоит перед нами уже в советское время, свидетельствуя, что духовная жизнь вокруг крестьянской святыни все это время не прекращалась. В Государственном архиве Воронежской области в материалах фонда «Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Воронежской области» находятся материалы дела, связанные с открытием и функционированием пещерной церкви в с. Костомарово в короткий период оттепели между государством и Церковью, начавшейся в период Великой Отечественной войны. Из дела, прежде всего, видно, что крестьянам все-таки удалось добиться в первой четверти XX в.

короткого функционирования пещерного храма. Так в ходатайстве о новом открытии пещер на имя Г. Г. Карпова, председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР от 24 июля 1945 г., представители религиозной общины с. Костомарово отмечали: «В вышеуказанных пещерах с давних времен существовала церковь, но в 28–30 гг. была закрыта»¹. Недолгое существование храма объяснимо принятием в апреле 1929 г. постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях». Оно предусматривало жесткую схему регистрации церковных общин, что привело к повсеместному закрытию культовых зданий в стране [Беглов, 2008, с. 234]. Костомаровская религиозная община, будучи вынужденной закрыть пещерную церковь, не оставила ее без присмотра. Так уроженец с. Костомарово Н. С. Воробьев сообщил автору, что до войны при пещерах жил некто Василек Печерский, охраняя церковную утварь.

Благоприятный политический фон для активизации Костомаровской религиозной общины наступил лишь после известной встречи И. В. Сталина с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, состоявшейся в сентябре 1943 года. С этого времени в стране начинают открываться храмы, священники возвращаются из ссылки, ставится вопрос о восстановлении патриаршества. А жители Костомарова начинают вновь писать ходатайства во все инстанции, прося открыть церковь, приход которой «составляют следующие села: Костомарово, Юдино – 3 км, Фощеватка – 3 км, Сагуны – 9 км, Марки – 7 км, Покровка – 3 км, Грань – 3 км»². Лидером ходатаев была Е. С. Шкарупина, ставшая в дальнейшем церковным старостой. В одном из своих обращений она отмечала: «Около нашего села расположено много сел, которые бы хотели молиться и иметь храм. Действующие церкви находятся от нас на расстоянии 40 и 50 км. Я покорнейше прошу Вас рассмотреть дело и ускорить открытие Церкви до престольного праздника Нерукотворного Спаса 16 августа старый стиль, 29 августа новый стиль»³.

То есть мы видим, что в связи с закрытием и разрушением многих наземных храмов близлежащих сел, восстановление богослужения в пещерном храме было насущной потребностью жителей округа. Кроме того, из данных материалов видно, что подземная церковь все же была освящена в период с 1908 г. по 1928 г. в честь Нерукотворного Спаса. Учитывая отказ от прежнего предложения освящения церкви как Алексеевской, можно предположить, что произошло это уже после революции и отстранения династии Романовых от власти.

Обратим внимание на состав религиозной общины с. Костомарово, взявшей на себя инициативу открытия храма в военное время. Одно из первых ходатайств верующих слободы Костомаровой об открытии пещерного храма на имя Подгоренского Районного Исполнительного Совета депутатов трудящихся датируется 6 июлем 1944 г.⁴. Под ним стояло 20 подписей, требуемых советским законодательством о религиозных объединениях. Оно утверждало, что правительство признает желание не менее 20 («двадцатки») мирян, которые составляют приход и арендуют помещения у местных властей. Проанализируем анкетные данные подписантов. Большинство ходатаев были женщины (16 человек – 80%), возрастом от 23 до 85 человек. Их средней возраст составлял 49, 4 г. Возраст оставшихся мужчин колебался от 58 до 68 лет, при среднем возрасте 49, 7 г. Все члены двадцатки были ранее не судимы, проживали в с. Костомарово. Одна женщина числилась домохозяйкой, все остальные подписанты работали в колхозе. Если сравнить эти данные с подписантами на Сходе 1908 г., то мы увидим существенное различие. Там стояли подписи 126 мужчин, здесь 16 женщин и 4 мужчин. В первом случае наличие только мужчин объяснимо особенностями законодательства дореволюционной эпохи в сфере общинного самоуправления. Если посмотреть на подписантов 1944 г. в половозрастном аспекте, то здесь мы увидим преобладание женщин и в целом людей пожилого возраста, что отражало ди-

¹ Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 125. Л. 32

² ГАВО. Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 125. Л. 32.

³ Там же. Л. 34.

⁴ ГАВО. Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 125. Л. 7–8.

намику произошедших к этому времени в стране изменений социодемографических характеристик православных верующих [Сосковец, 2004, с. 64].

Составляя ходатайства, Костомаровская религиозная община, имея печальный опыт ссылки властей на небезопасность функционирования пещерного храма, решила подстраховаться, приложив к одному из обращений акт о состоянии Костомаровских пещер. Весомость акту придавали подписи представителя советского самоуправления и технического специалиста: председателя Юдинского сельского совета И.Е. Кулькина и инженера И.М. Баранова. В акте указывались небольшие замечания, устранив которые возможна эксплуатация костомаровских пещер¹.

Наконец, 30 января 1946 г. на имя уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Воронежской области В.С. Гостева пришел документ от Г.Г. Карпова, в котором сообщалось: «Совет по делам русской православной церкви при СНК СССР, согласно заключению Воронежского Облисполкома и заявления верующих, постановлением от 29 декабря 1945 г. разрешил открыть церковь в селе Костомарово, Подгоренского района, Воронежской области.

Решение Совета об открытии церкви в селе Костомарово одобрено СНК СССР.

Возвращая при этом заявление верующих, Совет предлагает Вам в 3-х дневный срок послать распоряжение Подгоренскому Райисполкому о заключении договора на передачу здания церкви и культового имущества и поставить в известность заявителей верующих»².

Таким образом, решение об открытии простого сельского храма было принято на самом высоком уровне, и ему теперь предстояло двигаться лишь по вертикали власти вниз. 6 февраля 1946 года В. С. Гостев поставил в известность председателя Подгоренского Райисполкома Павленко о следующем: «Решением Совета по делам русской православной церкви от 29. 12. 1945 г. открыта церковь в с. Костомарово Вашего района. В ближайшее время будет назначен Управляющим Воронежской епархии настоятель указанной церкви и Вам будут высланы соответствующие указания о порядке оформления материала, необходимого для регистрации религиозной общины»³.

В скором времени Костомаровская община верующих Спасской пещерной церкви получила от местных властей долгожданные две справки. Одна о регистрации религиозной общины 29 марта 1946 года под № 05-68, вторая о регистрации Соломко Владимира Петровича, проживающего в с. Нижний Мамон, в качестве настоятеля приходской общины Спасской православной церкви «с правом совершения богослужения в названной церкви и церковных треб на дому у верующих по их приглашению»⁴.

Костомаровская община по максимуму смогла использовать время «нового курса» государства по отношению к Церкви. Ведь с осени 1948 г., не смотря на многочисленные заявления верующих, новые храмы в стране не открывались. После неудачной попытки создать почву для системы всеправославного единства под эгидой Москвы на Всеправославном Совещании 1948 г. государство прекращает заигрывание с Церковью как инструментом реализации своей внешне политической деятельности [Беглов, 2008, с. 237]. Чуть более десяти лет Костомаровскому пещерному храму и существующей при нем общине верующих удалось просуществовать в легальной плоскости, до хрущевских гонений на Церковь в 1959 г.

За это время при храме сменилось 14 настоятелей. Тем не менее, столь частая смена клириков не смогла оказать существенного влияния на развитие духовной жизни, складывающейся вокруг Костомаровского пещерного комплекса. Это стало возможно потому, что действующий Спасский храм шагнул далеко за пределы обычного приходского культового здания. Благодаря активности Костомаровской общины, при нем сформировался фактически неофициальный монастырь с постоянно проживающими в построенном доме

¹ Там же. Л. 29.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Л. 39.

⁴ ГАВО. Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 125. Л. 41–42.

«насельниками», приходящими сюда из близлежащей округи. Одним из таких подвижников благочестия был пришедший из с. Клеповка Андрей Васильевич Попов, давший обет служения Богу в одном из боев Великой Отечественной войны.

Надо заметить, что организация подобного народного монастыря вокруг общины пещероустроителей не была единичным случаем в крае. Расположенный неподалеку Белогорский Воскресенский монастырь в свое время тоже прошел путь трансформации от крестьянской общины пещероустроителей, через народный монастырь (или как его называл Б.С. Познанский – монастырек) к официально действующей обители в рамках Русской православной церкви. Социальная динамика костомаровской общины верующих находилась на тот момент на втором этапе – народный монастырь. Степень свободы здесь была гораздо выше, чем в официальных церковных структурах. По действующему законодательству Костомаровская община лишь нанимала священника. К тому же при их столь частой сменяемости роль неофициальных лидеров была особенно велика. Среди них можно выделить следующие фигуры: Е.С. Шкарупина, М.И. Гашенко, А.В. Попов, георгиевский кавалер И.Я. Бобешко¹ и др. Они не только взяли на себя труд организации общиной жизни вокруг пещер, но и наладили миссионерскую работу. При построенном возле Костомаровских пещер доме действовала библиотека, где можно было взять редкие для того времени церковные книги. Здесь же была своеобразная народная лечебница, в которой крестьяне помогали лекарственными травами обращающимся. Кроме того, община совершала крестные ходы, свидетельствуя о вере [Степкин, 2006].

В конце 1958 г. над Костомаровской общиной начали сгущаться тучи. 15 декабря 1958 г. местной власти пришло указание Совета по делам РПЦ «о работе по прекращению паломничества и закрытию «святых мест». Спасский пещерный храм и был для всей близлежащей округи таким местом, вокруг которого формировалась мало контролируемая как государством, так и церковными структурами община верующих. Повод для реализации указания нашли самый простой и хорошо известный: пещеры «находятся под угрозой обвала и не отвечают самым элементарным санитарным условиям»². При этом для организаторов закрытия пещерного храма было понятно, что это не приведет автоматически к прекращению существования общины. Поэтому 9 октября 1959 г., когда Подгоренский Райисполком принял решение о закрытии пещерной церкви, «случайно» начал гореть церковный дом, находящийся недалеко от подземных лабиринтов. «Насельники» народного монастыря вынуждены были перейти на новое место жительства в с. Костомарово. Но и там они вскоре подверглись нападению уголовных элементов.

Даже после столь беспрецедентного давления община верующих не прекратила полностью свое существование. Большая ее часть вернулась по своим домам. Другая часть перешла на нелегальное положение. Так известно о том, что А.В. Попов ушел в затвор в специально созданной для этого в пещерах тайной комнате с меловым аналогом в северо-западной части скального комплекса. Вход в нее был вырезан в полу и закрывался так, что его нельзя было визуальным образом обнаружить. Долгих 13 лет он прожил здесь, общаясь лишь с доверенным кругом лиц из местных жителей. Судя по фотографиям и воспоминанием очевидцев, он принял здесь монашеский и священнический сан [Степкин, 2006, с. 68–83].

В начале 70-х гг. XX в. о. Андрей (Попов) покидает эти места. Фактически к этому времени не только ушли из жизни многие старые активисты костомаровской религиозной общины, но и сошла на нет социальная база существования нелегальной катакомбной организации. В эти годы как сельская община, так и сельский приход Русской православной церкви перестают играть заметную роль в деревенской жизни в силу трансформации жизненного крестьянского уклада [Беглов, 2008, с. 245–246]. Но годы неустанной борьбы за свое существование костомаровской общины пещероустроителей не прошли бесследно для развития духовной жизни Воронежского края. За период второй половины XIX в. – первой половины XX в. созданные крестьянами пещеры превратились в значимый са-

¹ Там же. Л.119.

² Там же. Л. 130.

кральный локус округи. Срока жизни костомаровской сельской общины не хватило для трансформации существовавшего здесь народного монастыря в официальный.

В этих условиях новое возрождение религиозной жизни вокруг Костомаровских пещер могло произойти только сверху, путем инициирования процесса официальными церковными институтами. Благоприятное время для этого настало после становления новой российской государственности, стремившейся к налаживанию отношений с Церковью. Инициативу возрождения костомаровской пещерной святыни взял на себя в 1993 г. благочинный протоиерей Александр Долгушев по благословению митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия. Надо заметить, что за период беспризорного существования пещер в 70–80 гг. XX в. их стены покрылись многочисленными автографами светских посетителей и копотью от факелов. Но в целом пещерным храмам донской земли в годы гонений на Церковь повезло больше, чем наземным, так как будучи частью скальной породы они меньше были подвергнуты как природному, так и антропогенному воздействию. В настоящее время около половины всех существующих здесь пещерных храмов стали вновь действующими [Gunko, Stepkin, Kondratyeva, 2017]. Стал официально действующим и Костомаровский Спасский пещерный храм, дав название открытому здесь в 1999 г. Спасскому женскому монастырю Русской православной церкви.

Таким образом, мы проследили динамику взаимодействия крестьянской общины, церкви и государства в контексте создания и функционирования Костомаровского пещерного комплекса. Проведенный анализ показывает, что созданный крестьянской общиной пещерный храм стал стержнем развития народной религиозности. Попытки перевести его сельским обществом в официальную плоскость путем освящения встречали сопротивление фактически на всем протяжении XX в. как со стороны Церкви, так и со стороны государства, которые опасались структурирования вокруг него малоуправляемых автономных единиц гражданского общества. При этом, если посмотреть на даты активизации духовной жизни вокруг Костомаровских пещер, то они совпадут с кризисными точками российской государственности. 1906 г. – разгар первой русской революции и первое ходатайство крестьян об освящении пещерной церкви близ Костомарово. 1917 г. – вторая русская революция и последовавшее за этим первое освящение подземного храма в честь Спаса Нерукотворного. 1941–1945 гг. – Великая Отечественная война и новые ходатайства об открытии церкви. 90-е гг. XX в. – распад советской государственности и становление пещерного Спасского женского монастыря. Кризисные точки развития государства не только давали возможность легализовать пещероустроителям результат своего труда, но и консолидировать вокруг построенной святыни общественное сознание, нуждающееся в опоре на традиционные ценности.

Список литературы References

1. Акиншин А.Н. 2003. Храмы Воронежа. Воронеж, «Кварта», 240.
Akin'shin A.N. 2003. Khramy Voronezha. Voronezh, «Kvarta», 240.
2. Беглов А.Л. 2008. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 352.
Beglov A.L. 2008. V poiskakh «bezgreshnykh katakomb». Tserkovnoe podpol'e v SSSR. M., Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, «Arefa», 352.
3. Глинчикова А.Г. 2008. Раскол или срыв «русской Реформации»? М., Культурная революция.
Glinchikova A.G. 2008. Raskol ili sryv «russkoy Reformatsii»? M., Kul'turnaya revo-lyutsiya.
4. Гунько А.А. 2013. Морфометрические исследования Дивногорских, Костомаровских и Колыбелькинских пещер (Воронежская область). Спелеология и спелестология. Сборник материалов IV международной научной заочной конференции. Набережные Челны, НИСПТР, 163–168.
Gun'ko A.A. 2013. Morfometricheskie issledovaniya Divnogorskikh, Kostomarovskikh i Kolybelkinskikh peshcher (Voronezhskaya oblast'). Speleologiya i spelestologiya. Sbornik materialov IV mezhdunarodnoy nauchnoy zaочноy konferentsii. Naberezhnye Chelny, NISPTR, 163–168.
5. Монахологии русских обителей на Афоне. 2016. Серия: Русский Афон XIX–XX веков. Том третий. Святая Гора Афон, Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 751.

Monakhologii russkikh obiteley na Afone. 2016. Seriya: Russkiy Afon XIX–XX vekov. Tom tretiy. Svyataya Gora Afon, Izdanie Russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone, 751.

6. Никольский П.В. 1910. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. Воронежская Старина. Вып. 9. Воронеж, Издание Воронежского Церковного Историко-археологического Комитета, 149–181.

Nicol'skiy P.V. 1910. Monashestvo na Donu v XIX veke. Ocherk 1. Peshcherokopatel'stvo v XIX v. Voronezhskaya Starina. Vyp. 9. Voronezh, Izdanie Voronezhskogo Tserkovnogo Istoriko-arkheologicheskogo Komiteta, 149–181

7. Перепелицин А.В. Кудинова Ю.В. 2013. Крестьянское движение в Воронежской губернии в годы первой русской революции. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Вып. 26. 8(151): 120–124.

Perpelitsin A.V. Kudinova Yu.V. 2013. Krest'yanskoe dvizhenie v Voronezhskoy guber-nii v gody pervoy russkoy revolyutsii. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo uni-versiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Vyp. 26. 8(151): 120–124.

8. Познанский Б. 1885. Воронежские хохлы (Из случайных заметок, воспоминаний и наблюдений). Киевская Старина. Ежемесячный исторический журнал. Т.11. Апрель: 613–648.

Poznanskiy B. 1885. Voronezhskie khokhly (Iz sluchaynykh zametok, vospominaniy i nablyudeniy). Kievskaya Starina. Ezhemesyachnyy istoricheskiy zhurnal. T.11. Aprel': 613–648.

9. Правдин А.М. 1893. Алфавитный список церковных приходов Воронежской епархии (по данным Духовной консистории). Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Воронеж, Изд-во Воронежского губернского статистического комитета, 97–116.

Pravdin A.M. 1893. Alfavitnyy spisok tserkovnykh prikhodov Voronezhskoy eparkhii (po dannym Dukhovnoy konsistorii). Pamyatnaya knizhka Voronezhskoy gubernii na 1893 god. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta, 97–116.

10. Сосковец Л.И. 2004. Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики. Вестник Томского государственного университета. Вып. 28: 62–65.

Soskovets L.I. 2004. Sovetskie veruyushchie: obshchie sotsiodemograficheskie i kul'turnye kharakteristiki. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 28: 62–65.

11. Степкин В.В. 2017. Афон и Подонье в конце XIX начале XX вв.: контакты в контексте возрождения Шатрищегорского пещерного монастыря. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 75: 39–54.

Stepkin V.V. 2017. Afon i Podon'e v kontse XIX nachale XX vv.: kontakty v kontekste vrozhdeniya Shatrishchegorskogo peshchernogo monastyrya. Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Vyp. 75: 39–54.

12. Степкин В.В., 2006. Костомаровская пещерная обитель в XX веке. Исторические очерки. Воронеж, Издательский Дом «Китеж», 54.

Stepkin V.V., 2006. Kostomarovskaya peshchernaya obitel' v KhKh veke. Istoricheskie ocherki. Voronezh, Izdatel'skiy Dom «Kitez», 54.

13. Степкин В.В. 2012. Легенды донских пещер. Фольклор. Этнография. История. Воронеж, ИПЦ «Научная книга», 171.

Stepkin V.V. 2012. Legendy donskikh peshcher. Fol'klor. Etnografiya. Istoriya. Voronezh, IPTs «Nauchnaya kniga», 171.

14. Степкин В.В. 2016. Новые архивные сведения о Галиевской пещере в Подонье (к вопросу о мотивации пещерокопателей и отношении к ним органов власти). Пещеры как объекты истории и культуры. Материалы международного научного форума Воронеж-Дивногорье, 19-22 апреля 2016. Воронеж, ИПЦ «Научная книга», 178–182.

Stepkin V.V. 2016. Novye arkhivnye svedeniya o Galievskoy peshchere v Podon'e (k vo-prosu o motivatsii peshcherokopateley i otnoshenii k nim organov vlasti). Peshchery kak ob'ekty istorii i kul'tury. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo foruma Voronezh-Divnogor'e, 19-22 aprelya 2016. Voronezh, IPTs «Nauchnaya kniga», 178–182.

15. Тевяшов В.Н. 1902. Пещерные монастыри Острогожского уезда. Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 1: 52–78.

Tevyashov V.N. 1902. Peshchernye monastyri Ostrogozhskogo uezda. Trudy Voronezhskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Vyp. 1: 52–78.

16. Gunko A., Stepkin V., Kondratyeva S. 2017. Cave temples in the Don region, Russia and Ukraine. Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Caves Hypogea 2017, Cappadocia, Turkey, 6/10 March 2017. Cappadocia, 468–474.